

1948M
5587

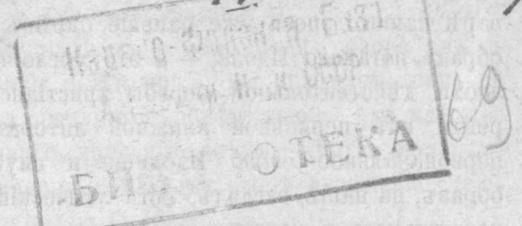
1948M
5587

634 Т 1948M
5587

Турбоавтомобиль
град. Сергеев Иванова
Омская

68

1916. 16/1. Отец автора.

1816

БЫЛИНЫ О ИДОЛИЩЕ ПОГАНОМЪ.

(Посвящается памяти Вс. О. Миллера).

I.

Кого нужно разумѣть подъ Идолищемъ поганымъ нашего былевого эпоса? Миеологи, и то осторожно, усматривали въ немъ представителя „языческаго начала“¹⁾. Позднѣйшіе же изслѣдователи, видимо испуганные слишкомъ рискованными толкованіями миеологовъ, нашли для себя болѣе безопаснымъ совсѣмъ отказаться отъ пониманія ими Идолища поганого, какъ языческаго идола. Подобный взглядъ они сочли даже „чистѣйшимъ произволомъ“²⁾.

Академикъ А. Н. Веселовскій готовъ былъ отождествить Идола-Идолища съ половецкимъ ханомъ Боняномъ³⁾; М. Г. Халанскій призналъ въ Идолищѣ просто бранный эпитетъ татарина, насильника⁴⁾. Даже В. О. Миллеръ, который въ пѣснѣ о Добрынь змѣборцѣ такъ чутко обнаружилъ отголоски эпохи борьбы язычества съ христіанствомъ, увидѣлъ въ Идолищѣ лишь олицетвореніе коллективнаго „басурманства“, которое народъ наивно смѣшиваетъ съ идолопоклонствомъ, язычествомъ⁵⁾.

Но, если и правы позднѣйшіе изслѣдователи, что Идолище иногда помѣщается въ обстановку борьбы русскихъ съ татарами, а его образъ слился и частью передался татарскому насильнику Батыгѣ, Калину

¹⁾ Орестъ Миллеръ. Илья Муромецъ и богатырство кievское, стр. 740 и Безсоновъ. Пѣсни Кирѣевского, IV т., стр. X.

²⁾ М. Г. Халанскій. Великорусскія былины кievскаго цикла. Варшава. 1888, стр. 68.

³⁾ А. Н. Веселовскій. Южно-русскія былины III—IX. 1884, стр. 369.

⁴⁾ Халанскій, ук. соч., стр. 89.

⁵⁾ Илья Муромецъ и Алеша Поповичъ. Статья перепечатана въ Очеркахъ, II, М. 1910 г.

и др., то вѣдь въ этомъ можно видѣть лишь позднѣйшее сближеніе. Идолище и Идолъ могли стать бранными эпитетами татарина, какъ представителя „нехристи“, лишь потому, что въ стилистическомъ словарѣ нашего эпоса уже раньше окрѣпъ и сталъ весьма популярнымъ образъ поганого Идола, — а это могло придти лишь изъ отдаленной эпохи дѣйствительной борьбы христіанства съ язычествомъ или перейти изъ церковной книжной литературы. Какъ бы то ни было, первоначальное слово Идолище и внутренній съ нимъ связанный образъ, на нашъ взглядъ, есть языческій идолъ, что съ особенной выразительностью подчеркиваетъ эпитетъ „поганый“, прилагавшійся къ идолу и въ пѣсняхъ и въ древнихъ письменныхъ произведеніяхъ объ язычествѣ. Что Идолище нужно понимать, какъ идола, говорятъ параллельныя названія, какъ въ нѣкоторыхъ вариантахъ былинь о Идолищѣ, такъ и въ родственномъ имъ книжномъ Сказаніи о семи богатыряхъ, или Богатырскомъ словѣ, гдѣ Идолище такъ и названо *Идоломъ*. Наконецъ само содержаніе былинь о Идолищѣ, особенно повѣряемое и сопоставляемое съ однимъ несомнѣнно ему родственнымъ, но еще съ этой цѣлью не привлекавшимся, легендарнымъ памятникомъ древней письменности, укрѣпляетъ насъ въ высказанномъ взглядѣ.

II.

Идолище поганое фигурируетъ въ *былинахъ о Ильѣ и Идолищѣ*. Былины на эту тему, насчитывающія въ настоящее время 41 вариантъ, не разъ, какъ уже указано, были предметомъ научнаго анализа. Послѣ разборовъ Ореста Миллера ¹⁾, А. Н. Веселовскаго ²⁾, обстоятельный обзоръ вариантовъ былины представилъ въ 1908 году академикъ В. О. Миллеръ ³⁾. Съ той поры новыхъ вариантовъ почти не появлялось ⁴⁾, да къ тому же былины о Идолищѣ вообще выдерживаютъ довольно единообразный планъ, особенно если откинуть несомнѣнно приросшіе эпизоды (напримѣръ, Ильѣ и голи кабацкіе) и влияніе другихъ пѣсенныхъ эпическихъ мотивовъ. Основное раздѣленіе былинь о Идолищѣ на двѣ группы, какъ это дѣлаетъ В. О. Миллеръ, по мѣсту приуроченія дѣйствія къ Царьграду или Киеву мы не считаемъ существеннымъ, такъ какъ географическія названія въ бы-

¹⁾ Орестъ Миллеръ. Ильѣ Муромецъ и пр.

²⁾ А. Н. Веселовскій. Южно-русскія былины III—IX. 1884.

³⁾ Ср. В. О. Миллеръ. Очерки II, ук. статья.

⁴⁾ Привлекаются мною и будутъ указаны ниже.

линахъ легко путались, а особенной разницы въ содержаніи этихъ группъ не видно.

Съ другой стороны мы вполне согласны съ В. О. Миллеромъ, что упоминаніе Царьграда было въ основной былинь ¹⁾.

Не представляя здѣсь во избѣжаніе повтореній обзора всѣхъ отдѣльныхъ пересказовъ былины о Идолищѣ, мы изложимъ лишь ея главное содержаніе, прилагая результаты обязательнаго для каждаго изслѣдователя непосредственнаго изученія всѣхъ, — даже малоцѣнныхъ, — пересказовъ и ихъ сравненія, какъ къ этому изложенію, такъ и къ дальнѣйшему комментированію былины.

По большинству пересказовъ начало былины о Идолищѣ кладется или встрѣчей Ильѣ Муромца съ каликой перехожей ²⁾, или описаніемъ наѣхавшаго и засѣвшаго въ Царьградѣ (или Киевѣ) поганого Идолища, при чемъ въ такомъ случаѣ каликѣ приходится въ разговорѣ съ Ильей вновь повторять все предыдущее описаніе ³⁾. Калика, по множеству пересказовъ ⁴⁾, носить имя *Иванища*. Характерны и любопытны сопутствующіе эпитеты: „Старець pereгримищо, pereгримищо да тутъ *могучій* Иванищо“ (Гильфердингъ, № 4). „Какъ *сильно* то, *могучо* Иванищо“ (Гильфердингъ, № 48). „Сильнѣе, могучѣе Иванищо“ (Гильфердингъ, 196 и 232). „*Сильный* Иванище“ (Кирѣевскій, IV, стр. 18 и Тихонравовъ и Миллеръ, № 13). „Каличище Иванище“ (Рыбниковъ, № 6). „*Славно* Иванищо“ (Гильфердингъ, 245). „*Сильный, великій* Иванищо“ (Марковъ, 69).

Въ двухъ только пересказахъ имя калики иное: 1) Игнатище въ вариантѣ Рыбникова, № 140 и 2) Василий упыансливый у Гильфердинга. Въ остальныхъ, если нѣтъ имени Иванища, странникъ представляется, какъ „перехожающа калика безымянная“ (Григорьевъ, 112). Но и здѣсь сама форма слова подчеркиваетъ въ этой перехожей каликѣ, „гунѣ сарацннской“ (Григорьевъ, № 355)—силу и мощь. Это „старчище Пилигримище“ (Рыбниковъ, № 24), „колѣчище“ (Былины

¹⁾ Очерки II, стр. 96, 144, 196. Выдѣляемая В. О. Миллеромъ третья группа содержитъ такія былины, гдѣ борьба Ильѣ съ Идолищемъ является лишь въ качествѣ вставнаго эпизода въ другія былины.

²⁾ Гильфердингъ, № 63, 220, 232, 245; Кирѣевскій, IV, стр. 18—21; Рыбниковъ, изд. II-ое, № 24; Григорьевъ, № 355; Марковъ, № 69; Сказки *Аванасыса*, № 174; Омчуковъ, № 20; Былины *новой и недавней записи*, № 4, 5 и прилож. № 9; Тихонравовъ и Миллеръ, № 113.

³⁾ Большинство остальныхъ пересказовъ.

⁴⁾ Гильфердингъ № 4, 48, 196, 245, 232; Кирѣевскій IV, стр. 18; Марковъ, 44, 69, 92; Тихонравовъ и Миллеръ, № 113; Рыбниковъ, изд. 2-е, № 6.

Нов. и Нед. Записи, 5) и т. д. Однако при внѣшнемъ могучемъ видѣ встрѣтившійся Ильѣ калика Иванище — уже старикъ: „*Старой, волосомъ бль, бородой съдатъ*“ (Гильфердингъ, № 220 и 232).

Повстрѣчавшись другъ съ другомъ, Илья и Иванище поздравствовались:

А ѿ ѣздилъ Илья Муромецъ по чисту полю,
Да наѣхалъ онъ калику переходяю:
„А здравствуй ты, калика переходяя!
Ты откуда идѣшь, да откуда путь держишь?“
Говоритъ ему калика переходяя:
„Здравствуй, Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ!
Развѣ не узналъ меня калика переходяя?
Да я есть сильнѣе, могучѣе Иванищо,
А мы съ тобой училися въ одномъ училищѣ,
А я теперь иду да отъ Царьграда“ (Гильфердингъ, 196).

Такой діалогъ, впрочемъ съ пропускомъ указанія на „одно училище“, типиченъ для многихъ пересказовъ.

Калика, по цѣлому ряду пересказовъ, идетъ изъ Царьграда.

Иногда Царьградъ и Кіевъ упоминаются одновременно: калика изъ Царьграда идетъ въ Кіевъ ¹⁾; лишь въ единичныхъ случаяхъ городъ иной — это городъ Любовь ²⁾ или Новгородъ ³⁾ или „земля Идольская“ ⁴⁾. Общеэпическій Кіевъ, по нашему, скорѣе могъ вытѣснить не столь уже обычный въ русскомъ эпосѣ — Царьградъ, чѣмъ наоборотъ.

Такимъ образомъ, упоминаніе Царьграда нужно считать *исконнымъ* для основного пересказа былины.

Калика Иванище на вопросы Ильи, что дѣлается въ Царьградѣ (или Кіевѣ), все ли по-старому, по-прежнему, сообщаетъ ему о Поганомъ Идолицѣ, описываетъ его неуклюжую огромную фигуру, яркими красками рисуетъ его неимовѣрную прозорливость, указываетъ на тѣ притѣсенія, какія онъ чинилъ князю и Божьимъ церквямъ, а иногда присоединяетъ нѣкоторыя подробности о заигрываніяхъ Идолица съ княгиней. Описаніе внѣшности поганого Идолица и его обжорливость оставимъ до сцены непосредственнаго свиданія съ нимъ Ильи, — пока отмѣтимъ лишь оскорбленія, наносимыя имъ религиозному чувству христіанъ. Прежде всего досталось храмамъ Божьимъ.

¹⁾ Григорьевъ, № 112.

²⁾ Марковъ, № 354.

³⁾ Былины Новой и Недавней Записи, № 4 и № 9.

⁴⁾ Рыбниковъ, № 87.

„Въ Божьихъ церквахъ онъ началъ коней кормить“. „Святые образа были поколоты“ (Гильфердингъ, 48 и 232).

Въ другомъ пересказѣ, подобно инымъ былиннымъ наѣзжкамъ на сильникамъ, передается угроза:

„Христіанскую вѣру да облагню всю,
Ужъ я Божьи церкви всѣ подь дымъ спущу ¹⁾,
Я поповъ, патріарховъ да всѣхъ подь мечъ склоню“.

(Григорьевъ, 138).

Однимъ словомъ, по словамъ одного пересказа, Идолице хочется „изгнать христіанскую вѣру“ (Марковъ, 92). Понятно, почему онъ противъ милостыни спасенной ²⁾, милостыни ради Христа, и самому Христу противопоставляетъ себя — Идола:

„Запретилъ просить милостыню Христа ради,
Вы просите-тко милостыню ради Идола“ (Григорьевъ, 90).

Еще интереснѣе взгляды на Идола, Идолица, какъ на бога, въ другомъ архангельскомъ вариантѣ:

„Запретило оно (Идолице) да просить милостыню,
Запретило оно просить для *всѣхъ боговъ*:
Ище просять для поганого Идолица“ (Григорьевъ, 418).

Разсказъ калики сильно подѣйствовалъ на Илью. Въ рядѣ пересказовъ Илья задаетъ, иной разъ, каликѣ вопросъ, сопровождая укоромъ и ироніей, почему тотъ самъ не расправился съ поганимъ Идолицемъ ³⁾. Иванище указываетъ, что въ немъ не хватило смѣлости, даже подойти къ Идолицу.

„Да не смію я ийти вѣтъ къ татарину“ (Гильфердингъ, 4).

„Да и жилъ я въ Царьградѣ три года,
Да не смѣлъ и въ супоръ слова молвити“ (Гильфердингъ, 232).

„Иванище не смѣлъ и думушкой подумати, не смѣлъ и мыслями помыслити — какъ головище у проклятого съ пивной котель“ (Тихоновъ и Миллеръ, № 13).

Тогда Илья беретъ у калики *дорожную кляку*, а большей частью и совсѣмъ переодѣвается въ платье калики. При этомъ отношеніе калики къ такому желанію Ильи по вариантамъ различно.

Во многихъ пересказахъ калика сразу соглашается ⁴⁾.

¹⁾ Ср. Гильфердинга, 178, 186; Марковъ, 43.

²⁾ Киртеевскій, IV т., стр. 18; Григорьевъ, 90, 418, 138; Марковъ, 69 и др.

³⁾ Ср. Гильфердингъ, 4, 48.

⁴⁾ Гильфердингъ, № 48, 186, 245; Григорьевъ, 138; Оичуковъ, № 20; Марковъ, № 43; Былины Новой и Недавней Записи, № 4, 5, приложение № 9 и др.

„Ишше тутъ-то калика да не ослушалась,
Какъ раздѣла тутъ платьице калицькоѣ“.
(Григорьевъ, 138).

При чемъ иной разъ дѣлается это съ явной радостью:

„Отъ радости свинывалъ калика платьицѣ“.
(Марковъ, № 43).

Иной разъ калика отдаетъ свою одежду и клюку только ради самого Ильи:

„Я бы не отдалъ платья калицькаго;
А одно у насъ солнышко на небѣ,
А единъ у насъ могутъ богатырь,
А ишша тутъ да вѣдь Илья Муровицъ:
А съ тобой съ Ильей да слова нѣтъ“.
(Григорьевъ, 112).

Въ другихъ пересказахъ калика отдаетъ требуемая отъ него вещи, подчеркивая полную бесполезность протеста ¹⁾:

„Съ чести ти не дать, таѣ возьмешь не съ чести,
Не съ чести возьмешь, ужъ мнѣ на бока набьешь“.
(Гильфердингъ, 4).

Лишь нѣсколько пересказовъ заставляютъ Илью насильно брать платье калицькоѣ ²⁾. Зато есть, что для дальнѣйшаго важно, и такой пересказъ, гдѣ предложеніе взять клюку и платье калицькоѣ исходятъ отъ самого калики ³⁾. Калика говоритъ Ильѣ:

„Ище дай мнѣ ка платье богатырьскоѣ,
А возьми-тео-се платьѣ да нонь калицькоѣ“.

Сцена переодѣванія Ильи въ калицькоѣ платье даетъ сказителямъ былинны возможность обрисовать подробно вишній нарядъ калики Иванища. Это обычная крута каличьа — съ гуней сорочинской, шляпой земли греческой, подсумочками, лапотками и неизмѣнной клюкой каличьей. Въ нѣкоторыхъ пересказахъ обликъ калики пріобрѣтаетъ тотъ разукрашенный характеръ, который далъ изслѣдователямъ поводъ видѣть въ немъ отраженіе иконографическаго типа. Таковъ, на примѣръ, „могучо Иванищо“ по варианту Гильфердинга, 48:

А сильной то, могучо то Иванищо,
А ёго лапотци на ножкахъ семи шелковъ,
Блюшка то у его вѣдь сорокъ пудъ.
Какъ ино тутъ промежь-то лапотци пошлетены
Каменя то были самоцвѣтныи“ ⁴⁾.

¹⁾ Гильфердингъ, № 4, 114; Тихонравовъ и Миллеръ, № 113.

²⁾ Марковъ, № 48, 69; Рыбниковъ, № 6.

³⁾ Григорьевъ, № 418.

⁴⁾ Ср. также Гильфердингъ, № 144, 220, 232; Тихонравовъ и Миллеръ, № 13,

Среди другихъ подробностей каличьей круты, почти воѣ пересказы удѣляютъ, иной разъ, очень большое вниманіе клюкѣ каличьей, клюкѣ. Она представляется обыкновенно очень большахъ размѣровъ и необыкновенной тяжести ¹⁾.

„Онъ вѣдь самъ пошѣлъ тутъ каликою,
Ишша клюцькой идѣ подпираться,
Ишша клюцька подъ имъ изгибается.
Не по мнѣ ета клюцька и кована,
Ишше мало залѣза ей складено,
Ишше сорокъ пудъ во единий фунтъ“.
(Григорьевъ, № 112).

Иной разъ она еще тяжелѣе — „подорожная дубина девяносто пудъ безъ одинаго“ (Тихонравовъ и Миллеръ, № 113).

Клюка эта „чугунная“ (Григорьевъ, № 355) или „свинцовая“ (Гильфердингъ, № 220). Этотъ колоссальный размѣръ и вѣсъ клюки, правда, стоитъ въ связи съ самимъ могучимъ обликомъ каличища Иванища. И другія подробности его круты, по нѣкоторымъ пересказамъ, не уступаютъ въ своей массивности. На примѣръ, въ старой записи былины такими чертами рисуется нарядъ каличища переходяго:

„Гуна на немъ въ пяти сотъ пудъ,
Шляпа въ тридцать пудъ,
Костыль сорока сажень“.

(Забѣлинская рукопись № 82, Тихонравовъ и Миллеръ. Отдѣлъ I, № 5).

Однако по всему видно, что клюкѣ отводится одна изъ самыхъ крупнахъ ролей (иногда, впрочемъ, ей соответствуетъ шляпа земли греческой) — поэтому не мудрено, что нѣкоторые пересказы былины изъ круты калики, которой пользуется Илья, упоминаютъ лишь клюку.

Илья говоритъ каликѣ:

„Дай-ко мнѣ шалыгу девяносто пудъ,
Я пойду къ Идолищѣ здороваться“.
(Рыбниковъ, № 140).

Въ другомъ пересказѣ (Рыбникова, № 6) Илья, собравшійся въ путь къ Идолищу:

Идетъ по дорожкѣ пораздумался:
„Хошь иду-то я къ Идолищу поганому,

¹⁾ Ср. особенно Гильфердингъ, № 220, 232, 186, 196; Рыбниковъ, № 6, 24, 140; Аванасевъ, № 177; Тихонравовъ и Миллеръ, № 113; Былины Новой и Недавней Записи, № 9; Марковъ, 69; Григорьевъ, 112, 355 и мн. другіе пересказы.

Ежели будетъ не пора мнѣ ка, не времячко,
И съ чимъ мнѣ съ Идолицемъ будетъ поправиться?
На тою пору, на то времячко,
Идетъ ему въ стрѣту каличище Иванище,
Несетъ въ рукахъ клюку девяносто пудъ.
Говоритъ ему Илья таковы слова:
„Ай же ты, каличище Иванище!
Уступи-тко мнѣ клюки на времячко—
Сходить мнѣ къ Идолицу поганому“.

(Рыбниковъ, 6).

Нарядившись каликой, Илья идетъ въ городъ (Царьградъ, Кіевъ или Любовь, Новгородъ), гдѣ засѣлъ Идолице поганое, нечестивое. Подойдя къ дворцу, своимъ могучимъ голосомъ, столь сокрушительнымъ по своимъ послѣдствіямъ, что верхи сломились, палаты зашатались, а самъ Идолице приужахнулся—онъ проситъ милостыни спасеной. Изъ устъ самого ли Идолица, прислужниковъ ли, или плѣнннаго и униженнаго Идолицемъ князя, Илья слышитъ уже про знакомое намъ запрещеніе просить милостыни. Князь этотъ, или эпическій Владиміръ, разъ дѣйствіе происходитъ въ Кіевѣ, или, если въ Царьградѣ,—Константинъ Боголюбовичъ (съ варіаціями его имени—Атаульевичъ, Василій Боголюбовъ Сурывливый, Любовь царь, Василій Боголюбовичъ), или безъ имени, или князя совсѣмъ нѣтъ.

Илья предстаетъ передъ Идолицемъ. Сначала скажемъ объ его имени. *Идолице* (Издолице, Одолице, Инодолице, Издолина) наиболее употребительныя формы. Иногда, какъ мы выше сказали, онъ просто называется *Идоломъ*, но бываютъ спорадически и другія формы: проклятое Цюдишшо (Григорьевъ, 112), чудовище Удолице (Григорьевъ, 349), Угариче поганое, на ряду съ Идолице (Ончуковъ, 20), Данидонище (Былины Новой и Недавней Записи, № 9). Эпитеты Идолица: поганое, нечестивое, великое, страшное, чудище Змѣище (Григорьевъ, № 112) и др. Внѣшность Идола, Идолица погананаго рисуется весьма подробно былинами, но большинство изъ нихъ придаетъ, въ общемъ, сходный образъ необычайно громоздкаго, неуклюжаго существа, какой-то грандіозной, неподвижной фигуры, на рѣдкость огромной, но и на рѣдкость топорно сдѣланной. Приведемъ нѣсколько описаній Идолица.

Какъ есть у насъ погано есть Идолицо,
Въ долину двѣ сажени печатныхъ,
А въ ширину сажень была печатная,
А головищо, что вѣдь люто дохалнищо,
А глазища, что пивныи чашница,
А носъ-отъ на рожѣ, онъ съ локоть былъ. (Гильфердингъ, № 48).

Или:

Какъ не малоё Идолицо поганое,
Вышину-де какъ Идолицо-то трѣхъ сажень,
Онъ-де трѣхъ сажень, да онъ печатныхъ;
Ширину-де Идолицо коса сажень,
А коса-гдѣ (такъ!) сажень да и печатная.
Голова-то у ёго сильѣй пивной котѣль,
Кабы ушища у его, какъ царски блюдища,
Кабы ручища у его, какъ будто граблища,
Ужь бы ножища у его словно кичинища. (Ончуковъ, № 20).

По другимъ пересказамъ Идолице еще больше:

Въ долину Идолишшо пяти сажонъ,
Въ толщину Идолишшо полуторыхъ. (Григорьевъ, 90).
Наѣхало Идолице великоё,
Въ долину Идолицо шти сажень,
Въ ширину Идолице трѣхъ сажень,
Межь ушами у него вѣдь какъ сажень со локотью,
Межь глазами у него вѣдь какъ пята мѣрная,
Межь ноздрами у его изляжетъ калена стрѣла. (Гильфердингъ, 186).

Нѣкоторые пересказы прибѣгаютъ къ болѣе образнымъ сравненіямъ, еще больше подчеркивающимъ нелѣпность этой фигуры. Носъ у Идолица — „кислой пирога“ (Гильфердингъ, 144). „А туловье у проклятаго *будто куча сѣнна, несмытная*“. (Тихомировъ и Миллеръ, № 13).

Одинъ изъ пересказовъ даетъ довольно удачное общее опредѣленіе всей внѣшности Идолица:

„Ты похожъ вѣрно на *чучело*,
Голова у тебя да воротовѣй котель“. (Григорьевъ, 349).

Свиданіе переодѣтаго Ильи съ Идолицемъ поганымъ и происходящій между ними діалогъ даютъ богатое количество данныхъ, чтобы еще полнѣе очертить образъ Идолица, но вмѣстѣ съ тѣмъ и послужить причиной его гибели.

По нѣкоторымъ пересказамъ Идолице, подобно Тугарину, у души держитъ жену князя Опраксу или Елену, хотя этотъ мотивъ не очень подробно развитъ и далеко не все варианты удѣляютъ ему мѣсто.

Представшій передъ Идолицемъ калика-Илья, обыкновенно, не удостоивается погананаго Идолица поклономъ.

Идолице спрашиваетъ калику о Ильѣ Муромцѣ.

Вопросы Идолица каликѣ, по большинству вариантовъ, весьма согласны другъ съ другомъ. Напримѣръ:

Да ай же ты, калика было русская!
 Ты скажи, скажи калика, не утай себя,
 Какой-то на Руси у васъ богатырь есть,
 А старый казакъ есть Илья Муровець?
 Великъ ли онъ ростомъ, по многу-ль хлѣба ѣсть,
 По многу-ль еще пьеть зелена вина? (Гильфердингъ, № 48).

Отвѣты калики также, почти буквально, схожи по отдѣльнымъ пересказамъ; калика указываетъ, что:

„Илья-то вѣдь да Муровець,
 А волосомъ да возрастомъ равнымъ съ меня,
 А мы съ имъ были братья крестовыи,
 А хлѣба ѣсть какъ по три по калачика крупичатыхъ,
 А пьеть-то зелена вина на три пятачика мѣдныхъ“.

Иной разъ потребности Ильи еще скромнѣе.

„Отъ ковриги краюшку отрушаетъ,
 А и той краюшкой три сутки живѣтъ“ (Григорьевъ, № 112).

Такой ростъ Ильи и умѣренность въ пищѣ кажутся Идолищу слишкомъ ничтожными и вызываютъ съ его стороны презрительную реплику, за то ему представляется возможность продемонстрировать все свое безграничное обжорство.

По семи-то пудовъ я къ выти кушаю,
 По цѣлой кадци воды кушаю. (Гильфердингъ, № 22).

„Какъ я-то видь да къ выти хлѣба ѣмъ,
 А вѣдь по три-то печи печенныхъ,
 Пью-то я еще зелена вина,
 А по три-то ведра я вѣдь мѣрныхъ.
 Какъ штей-то я хлебаю по яловицы ¹⁾ есть русскіе“.

(Гильфердингъ, № 48).

„Ай же есть онъ (Илья) мнѣ не силенъ, какъ я есть силенъ,
 Ымъ семь печей калачей
 Да сорокъ мякушечекъ;
 По бочкѣ я выпиваю я пива пьянаго,
 А по лебедю я сразу закусываю“.

(Тихонравовъ и Миллеръ, № 13).

„Ишше я съѣмъ по сторублевому быку къ выти жа;
 Я и буду въ городи въ Києви,—
 Ишше буду я какъ баранъ тусѣнь,
 Какъ баранъ тусѣнь, какъ соколъ ясѣнь“ (Григорьевъ, № 112).

Ишше-то Идолишшо великоё
 По цѣлой ковригѣ на ножѣ тыцетъ,

¹⁾ Цѣлая телка.

На ножѣ тыцѣтъ да за щеку бросать;
 По цѣлому лебедю на ножѣ тыцѣтъ,
 Онъ на ножѣ тыцѣтъ да за другу бросаетъ. (Григорьевъ, № 90).

„Я ѣмъ по быку семилѣтнему къ выти,
 По бѣлой лебеди на разъ закусываю“ (Рыбниковъ, № 130).

И многіе другіе пересказы подчеркиваютъ, что Идолище пожираетъ сразу цѣлое животное и птицу: „по быку заразъ“ (Григорьевъ, № 355). „Ище я ноно съѣдаю да полтора быка“ (Григорьевъ, № 418), „по волу ему жаркое жарили“ (Гильфердингъ, № 106), „цѣлую корову варили“ (Рыбниковъ, № 87).

По полу волу да я закусывалъ,
 Гуся-лебедя да на закуску ѣлъ. (Гильфердингъ, № 218).

Да по цѣлой ковригѣ ѣнъ въ ротъ суё,
 Да по цѣлому быку онъ у выти ѣсть,
 Да по цѣлому котлу ѣнъ да пиво пьётъ.
 (Гильфердингъ, № 232).

Въ старой записи былины (Тихонравовъ и Миллеръ, I, № 5) Идолище также ѣсть по быку, а пьеть по цѣлому котлу. Когда Идолищу нечестивому принесли быка „целнова, жирнова и онъ ево и съ костью съѣлъ“ (ibid.).

Нѣкоторые пересказы идутъ еще дальше:

„Я какъ ѣлъ по три коровы яловицы,
 Да по три ведра я пива пью“ (Гильфердингъ, № 196).

Или:

По семи пудовъ хлѣба ѣсть,
 Ысть по три быка яловика. (Рыбниковъ, № 140 ¹⁾).

Изъ приведеннаго ясно, почему нѣкоторые пересказы къ приведеннымъ выше эпитетамъ Идолища присоединяютъ еще—обжорище, обжора. Понятно также, почему нѣкоторые варианты констатируютъ, что „Идолъ поѣлъ почти весь скотъ“ ²⁾, захотѣлъ „весь градъ пожрати“ ³⁾. Обжорство Идолища порождаетъ у Ильи сравненіе, далеко нелестнаго свойства, которое онъ не замедляетъ высказать Идолищу въ лицо.

По большинству вариантовъ Илья сравниваетъ Идолище съ обжорливой коровой—своего батюшки.

¹⁾ Ср. еще Куртескій, I т., стр. XXXIV. Марковъ, № 43 и др. Сходно и въ сказкѣ Аванасьева, № 174.

²⁾ Гильфердингъ, № 106.

³⁾ Рыбниковъ, № 87.

Какъ у насъ то есть на святой Руси,
Какъ у нашего батюшки коровище обжорное:
По многу къ выти фла, фла—треснула ¹⁾,

Какъ у моего было у батюшка
Большобрюхая коровище обжорище,
Она много фла, пила да и лопнула ²⁾.

Цѣлый рядъ вариантовъ присваиваетъ эту обжорливую корову, подобно былинамъ объ Алешѣ и Тугаринѣ, попу, отцу духовному. При чемъ въ одномъ вариантѣ онъ даже названъ *Левонтиемъ Ростовскимъ*:

Какъ у нашего попа да у Левонтія Ростовскаго
Какъ бывала тутъ коровища обжорища и т. д.

(Гильфердингъ, № 4).

Другой пересказъ помнить, что попь изъ Ростова (Гильфердингъ, № 48); остальные просто говорятъ:—у нашего попа, отца духовнаго (Марковъ, № 92; Ончуковъ, № 20; Былины новой и недавней записи, № 3).

Такія слова поганому Идолищу не полюбилися, и онъ, разсердившись, со всего размаху бросилъ въ калику ножемъ. Но Илья благополучно избѣжалъ ножа, или подхвативъ ножъ, или спрятавшись за печку, или отведя ножъ своей клюкой (Гильфердингъ, № 178, 186), а затѣмъ самъ въ свою очередь бросился къ Идолищу и размахнувшись *своей каличьей клюкой*, или шляпой земли греческой ³⁾, *прикончилъ Идолище*.

Какъ подскочить тутъ названъ да Илья Муромецъ
Со своей было клюкою сорочинскою,
Какъ ударитъ онъ его да съ буйну голову,
Отлетѣла голова да будто пуговица. (Гильфердингъ, № 4).

Скоро онъ къ поганому подскакивалъ,
Ударилъ какъ клюшой его въ голову,
Какъ тутъ-то онъ поганый да захамкалъ есть.
(Гильфердингъ, № 48).

А ишше тутъ же калика переходая,
А поднялъ де-ка тутъ клюку чурунную,
А стукнулъ Идолища его въ голову.

¹⁾ Тих. и Миллеръ, 13.

²⁾ Гильфердингъ, № 178. Ср. еще Гильфердингъ, № 245, 232, 186. Курневскій, IV, стр. 18; Рыбниковъ, № 6, 87, 130, 140; Марковъ, № 43, 69; Тихонравовъ и Миллеръ, I, № 5 и др.

³⁾ Только въ рѣдкихъ вариантахъ Илья расправляется безъ орудій, просто схвативъ Идолища за волосы и хлопнувъ его о землю.

Ишше тутъ-де Идолище поганое
А высунулъ онъ языкъ онъ до вилокъ тутъ,
А глаза его больши вонъ повывлетѣли. (Григорьевъ, № 356) ¹⁾.

Голова Идолища отлетаетъ какъ пуговица, какъ пивной котель. Туловище, иной разъ, разрубается на мелкіе куски, раскидывается по городу.

Иногда сказитель прибѣгаетъ къ болѣе образнымъ выраженіямъ: „разбилъ его всего *въ дребези*“ (Григорьевъ, № 178). Отъ удара „*прогрязла* голова тутъ у Идолища поганого“ (Гильфердингъ, № 22).

А въ вариантахъ Тихонравова и Миллера, № 13 имѣемъ цѣлую картину:

„Завзималъ Илья дубинку подорожную
Пришолъ онъ то въ гридню во столовую,
Ударилъ онъ Идолище межю ушю,
Покатилось головище, какъ пивной котель,
Полетѣли глазища будто селезни
И поплыли по Волхову,
Понесло его тушу съпунную, несмытнунную.
Тутъ ему провлятому славу поютъ“.

(Тихонравовъ и Миллеръ, № 13).

Сценой убіенія Идолища многіе пересказы былины и оканчиваются. Въ другихъ же говорится о полномъ очищеніи города, о благодарности Ильѣ князя Владиміра или Константина Боголюбовича за освобожденіе, предложеніе Ильѣ службы у нихъ и отказъ Ильи. Нѣкоторые, немногіе варианты передаютъ еще вторичную встрѣчу Ильи съ дождавшимся въ условномъ мѣстечкѣ старчищемъ Иванищемъ и о новомъ обмѣнѣ платья. Но большинство пересказовъ, повторяемъ, кончается сценой уничтоженія поганого Идолища.

Таково основное содержаніе былинъ о Ильѣ и Идолищѣ, какъ выясняется изъ рассмотрѣнія всѣхъ дошедшихъ до насъ пересказовъ.

III.

Исслѣдователи, занимавшіеся интересующимъ насъ сюжетомъ, особенно же академики А. Н. Веселовскій и В. Θ. Миллеръ, обратили вниманіе на большое сходство былины о Ильѣ и Идолищѣ поганомъ съ былинами о *Алешѣ Поповичѣ* и *Тугаринѣ Змѣевичѣ*. Оба

¹⁾ Илья клюкой каличьей убиваетъ Идолище еще въ вариантахъ Рыбникова, № 24, 140; Гильфердинга, № 63; Тихонравова и Миллера, № 13. Илья расправляется съ Идолищемъ „шляпой земли греческой“ въ вариантахъ Гильфердинга, № 22, 186, 245, 232.

эти же изслѣдователя признали также несомнѣнную родственность этихъ былинъ съ книжными памятниками древней Руси: Сказаніемъ о семи богатыряхъ, какъ ходили въ Царьградъ, или, что то же—Богатырскомъ словомъ. Однако исходные пункты и результаты ихъ разсужденій были, въ нѣкоторомъ отношеніи, противоположны.

Мы не будемъ здѣсь вдаваться въ подробный анализъ былинъ о Алешѣ и Тугаринѣ, это слишкомъ отвлекло бы насъ; предполагая эти былины и сказаніе извѣстными, отсылаемъ читателя, для болѣе близкаго ознакомленія, къ обзору вариантовъ въ указанныхъ выше статьяхъ Веселовскаго и Миллера.

Передаемъ лишь общее содержаніе былинъ объ Алешѣ и Тугаринѣ, кстати сказать, въ настоящее время значительно менѣе популярныхъ, чѣмъ былины о Ильѣ и Идолицѣ.

Въ то время какъ былинъ о Идолицѣ 41, былинъ о Алешѣ въ половину. Первый сюжетъ, можно думать, вытѣснилъ второй. Перескажемъ былинѣ, положивъ въ основу вариантъ Кирши Данилова.

Изъ славнаго Ростова, красна города
Какъ два ясные соколы вылетывали,
Выѣзжали два могучіе богатыря,
Что по имени Алешенька Поповичъ младъ,
А со молодымъ Екимомъ Ивановичемъ.

Ростовъ, вѣ сомнѣнія, былъ и въ основной былинѣ о ростовскомъ храбрѣ Александрѣ Поповичѣ, въ которомъ безусловно, какъ убѣдительно доказали ученые (Майковъ, Костомаровъ, особенно Дашкевичъ, Халанскій, Вс. О. Миллеръ и др.), нужно видѣть былиннаго богатыря Алешу Поповича. Это подтверждаютъ большинство вариантовъ былинъ ¹⁾.

Въ паробкѣ Екимѣ, неизмѣнно сопутствующемъ Алешѣ, нужно видѣть того паробка Александра Поповича, которому Архангелогородская и Тверская лѣтописи, а также старая запись былины о Алешѣ и Тугаринѣ, даютъ имя Торопа ²⁾.

Наѣхавъ на три дороги и лежація около нихъ каменные плиты съ надписью о направленіяхъ этихъ дорогъ на города Муромъ, Черниговъ, Кіевъ по варианту Кирши Данилова, или на другіе, среди которыхъ рядомъ съ Черниговымъ и Кіевомъ, упоминается, между прочимъ—Суздаль, по другимъ вариантамъ, Алеша рѣшаетъ ѣхать

¹⁾ См. у ак. Миллера, въ указанной выше статьѣ.

²⁾ См. Н. Дашкевичъ. Былины объ Алешѣ Поповичѣ 1883 г. и В. Миллеръ. Очерки. II, стр. 116.

съ Екимомъ по городу Кіеву, ко ласковому князю Владиміру. У Сафать рѣки (по Киршевскому варианту) Алеша встрѣчаетъ калику переходжаго, въ его типичномъ для былины одѣяніи, который сообщаетъ о Тугаринѣ Змѣевичѣ, при чемъ даетъ описаніе его:

Въ вышину онъ, Тугаринъ, трехъ сажень,
Промежду плечей косая сажень,
Промежъ глазъ калена стрѣла—

буквально точно съ уже знакомымъ намъ описаніемъ Идолица. Алеша проситъ у калики его платье.

Даетъ свое платье калика Алешѣ Поповичу,
Не отказываючи.

Алеша направляется въ Кіевъ, зычнымъ голосомъ проситъ милостыню; Тугаринъ разспрашиваетъ калику о Алешѣ Поповичѣ. Тотъ, сославшись на то, что плохо слышитъ, подпустилъ къ себѣ Тугарина и „хлеснулъ его шелепугой по буйной головѣ“.

Алеша отрѣзаетъ Тугарину голову. Переодѣвшись въ платье Тугарина, Алеша поѣхалъ обратно къ Екиму, но тотъ, не узнавъ, ударилъ его палицей, но затѣмъ призналъ и, давъ питья заморскаго, воскресилъ его. Этотъ эпизодъ, какъ указалъ еще А. Н. Веселовскій (ук. соч. стр. 348), для былинъ о Алешѣ и Тугаринѣ прицѣпной.

На этомъ кончается первая часть Киршевскаго варианта, явно своднаго: вторая часть снова заставляетъ Алешу встрѣтиться въ гриднѣ съ убитымъ имъ уже разъ Тугариномъ и снова расправиться съ нимъ. Но я нарочно остановился на Киршевскомъ вариантѣ—ибо, съ одной стороны, онъ при своей обширности использовалъ всѣ извѣстные эпизоды былинъ о Алешѣ и Тугаринѣ, а съ другой стороны подтверждаетъ, какъ нельзя лучше, нашу мысль, что былины о Алешѣ и Тугаринѣ въ ихъ современномъ видѣ, подобно многимъ другимъ былинамъ, представляютъ контаминацію различныхъ мотивовъ, пріуроченныхъ въ разное время къ личности одного и того же богатыря. Изложенный эпизодъ съ каликой есть еще въ вариантѣ Маркова № 47, Ончукова № 85. Можно думать, въ противоположность мнѣнію В. О. Миллера, что онъ былъ и въ основной былинѣ.

„Калика, говоритъ А. Н. Веселовскій, — вѣроятно, находился въ оригиналѣ былины. Несомнѣнно, что въ Кіевѣ Алеша является переодѣтымъ, ему и отводятъ небогатырское мѣсто на печномъ столбѣ“ (Южно-русс. был. 1884, стр. 349).

Алеша съ Екимомъ пріѣзжаютъ въ Кіевъ; князь Владиміръ встрѣ-

часть или съ радостью (какъ по вариантамъ Кирши Данилова, такъ и нѣкоторымъ другимъ), или, наоборотъ, нелюбезно.

Алеша занимаетъ мѣсто за печкой или на полатномъ брусь. Въ это время въ комнату на доскѣ вносятся Тугарина. Видъ и обжорство его вполне совпадаютъ съ Идолицемъ.

„По цѣлой ковригѣ за щеку мечеть, по цѣлой чашѣ охлестываетъ“ (Кирша Даниловъ); или плотаетъ по цѣлой лебедушкѣ (Рыбниковъ № 27). „Блѣ по цѣлому быку“ (Григорьевъ № 50) и т. д. Тугаринъ по многимъ вариантамъ держитъ себя весьма нескромно съ княгиней Апраксѣвной, при чемъ княгиня представлена сама равнодушной къ Тугарину.

Обжорство Идолица вызываетъ со стороны Алеши уже извѣстное намъ сравненіе съ коровой обжорицей, при чемъ по этой былинѣ, вполне кетати, она присваивается отцу Алеши, соборному попу Ростовскому Левонтію или Оедору. Въ отвѣтъ на это Тугаринъ бросаетъ въ Алешу ножъ, но тотъ пролетаетъ мимо, при чемъ его иногда подхватываетъ парубокъ Екимъ. Алеша вызываетъ Тугарина на бой. Тугаринъ вѣзжаетъ на конѣ съ бумажными крыльями. Алеша молится, чтобы эти крылья подмочило дождемъ и Тугаринъ принужденъ спуститься на землю. Для боя заключаютъ условія битвы одинъ на одинъ. Во время же боя Алеша прибѣгаетъ къ хитрости (мотивъ, какъ показали ученые, навѣянный Сербской Александріей)¹⁾: онъ заставляетъ Тугарина обернуться, сказавъ ему, что тотъ нарушилъ указанное условіе, такъ какъ свади него будто бы стоитъ сила несмѣтная.

Воспользовавшись этимъ, Алеша срубилъ Тугарину голову.

Алеша привезъ туловище князю Владимиру, необычайно ласково его принявшему и пригласившему Алешу жить въ Кіевѣ. На что богатырь, по нѣкоторымъ вариантамъ, согласился, а по другимъ отказался и уѣхалъ изъ Кіева.

Княгиня же укоряетъ Алешу за разлученіе ея съ милымъ дружкоймъ—Тугариномъ и въ отвѣтъ должна выслушать рѣзкую, бранную отвѣдь Алеши.

Сходство быliny объ Алешѣ и Тугаринѣ съ былинами о Ильѣ и Идолицѣ, какъ видно, очень близкое. Веселовскій сдѣлалъ такой даже выводъ: „Былина объ Алешѣ и Тугаринѣ отвѣчаетъ схемѣ быliny объ Ильѣ и Идолицѣ. Почти тѣ же подробности, иногда одни

¹⁾ Веселовскій и Вс. Миллеръ.

и тѣ же выраженія“ (стр. 350). Разница, по его мнѣнію, въ именахъ. А. Н. Веселовскій и В. О. Миллеръ отмѣтили затѣмъ, что согласно закону—сходное привлекаетъ сходное, въ отдѣльныхъ переказахъ у обѣихъ былинъ замѣчались и позднѣйшія сближенія и заимствования тѣхъ или другихъ подробностей.

Но очень многое сходное должно быть отнесено на долю исконной генетической связи между былинами. Для уясненія этой связи ак. Веселовскій и ак. Миллеръ, какъ мы сказали, привлекали третье поэтическое произведеніе, упомянутое Сказаніе о семи богатыряхъ, въ которомъ, какъ извѣстно, дѣйствуютъ сразу—съ одной стороны Илья Муромецъ и Алеша Поповичъ, а съ другой—Идолъ (Скоропить) и Тугаринъ. Академикъ А. Н. Веселовскій предложилъ разсматривать былинку о Ильѣ и Идолицѣ и былинку о Алешѣ и Тугаринѣ, какъ продуктъ разложенія древняго сказанія, близкаго къ извѣстному намъ сказанію о Семи богатыряхъ¹⁾. Академикъ В. О. Миллеръ, на нашъ взглядъ болѣе правильно, установилъ генезисъ былинъ. По его мнѣнію, быliny о Алешѣ Поповичѣ и Тугаринѣ послужили *источникомъ быliny о Ильѣ и Идолицѣ*, а обѣ вмѣстѣ стали источникомъ книжнаго произведенія XV—XVI вѣковъ, весьма ярко передававшего современную политическую тенденцію—Сказанія о семи богатыряхъ²⁾. Между прочимъ Вс. О. Миллеръ вполне правильно замѣтилъ: „Въ исторіи былинъ мы нерѣдко наблюдаемъ процессъ, въ силу котораго два былинныхъ сюжета, иногда и болѣе, спаиваются сказителями въ сводныя быliny, но обратный процессъ расчлененія, предполагаемый А. Н. Веселовскимъ, до сихъ поръ не былъ отмѣченъ изслѣдователями нашего эпоса“ (Очерки II, стр. 126).

Спайкой, контаминаціей, правда сдѣланной очень давно, а потому и перепутавшей свои составныя части, слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, признать прежде всего и саму былинку объ Алешѣ и Тугаринѣ, и лишь послѣ такого выдѣленія составныхъ частей можно дѣлать окончательное заключеніе о связи съ нею быliny о Ильѣ и Идолицѣ. Что быliny

¹⁾ Веселовскій, Южно-русскія быliny. 1884, стр. 356.

²⁾ Миллеръ, см. Очерки, II, стр. 118 и 124. Сказаніе о семи русскихъ богатыряхъ по списку О. И. Булаева XVIII в. напечатано въ Былинахъ старой и новой записи Тихонравова и Миллера, стр. 47—53 (раньше было издано въ Пам. стар. русс. лит. I, 311—318). „Богатырское слово“ или точнѣе Сказаніе о Кіевскихъ богатыряхъ по списку XVII в. Е. В. Барсова напечатано впервые въ 1881 г. въ Сборникѣ Отд. русс. яз. и слов. т. XXVIII, № 3 и переиздано въ Былинахъ новой и недавней записи. М. 1908 г. стр. 279—285.

наши часто являются результатомъ продолжительнаго процесса контаминаціи, спайки, раздѣльныхъ первоначально, сюжетовъ, весьма ярко показавъ, между прочимъ, разборъ былины о Вольгѣ, сдѣланный С. К. Шамбинаго ¹⁾. Въ былинахъ же о Алешѣ и Тугаринѣ исследователи значительно подготовили уже почву для подобнаго расчлененія. Въ былинахъ о Алешѣ и Тугаринѣ мы видимъ три первоначальныхъ раздѣльныхъ пѣсни, которыя, будучи въ концѣ концовъ приурочены къ одной и той же популярной личности ростовскаго богатыря XIII вѣка Александра Поповича, благодаря этому, соединились въ одну былинку.

1. *Отъездъ Алеши изъ Ростова въ Кіевъ*. Предыдущіе исследователи, особенно академикъ Дашкевичъ, въ указанномъ выше выѣздѣ Алеши Поповича съ парубкомъ Екимомъ изъ Ростова, приѣздѣ ихъ въ Кіевъ и службѣ князю Владиміру, вполне правильно усмотрѣли изображеніе того же самаго событія, какое передано въ Тверской лѣтописи, объ отъездѣ славнаго ростовскаго храбра Александра Поповича изъ Ростова, чтобы „служити единому великому князю въ матери градомъ Кіевѣ“ ²⁾. Какъ извѣстно, въ лѣтописи вмѣстѣ съ Александромъ Поповичемъ всегда дѣйствуетъ и его слуга Торопъ, который и погибаетъ съ нимъ въ Калкскомъ бою (Никоновская лѣтопись II, 354) ³⁾. Такимъ образомъ отъездъ съ парубкомъ Алеши изъ Ростова—первая изъ составныхъ частей изучаемой былины.

2. *Алеши и Тугаринъ*. Уже давно исследователи усмотрѣли въ Тугаринѣ образъ историческаго лица—половецкаго хана—Тугоркана ⁴⁾, тестя великаго князя Святополка Изяславича, по смерти своей погребеннаго въ Берестовѣ. Этотъ Тугорканъ, несмотря на родство, воевалъ съ русскими князьями, въ томъ числѣ съ тестемъ и съ Владиміромъ Мономахомъ. Мы не будемъ вдаваться въ подробности, такъ какъ объ этомъ уже достаточно говорилось въ научной литературѣ. Въ былинѣ объ Алешѣ и Тугаринѣ—на долю историческихъ фактовъ должны быть отнесены: само имя Тугарина, хозяйничанье его на правахъ родства въ Кіевѣ и извѣстнаго рода близость къ княжескому дому, понятая, впрочемъ, былинной по своему, и бой Тугарина, объясняемый враждебными дѣйствіями Тугоркана

¹⁾ С. К. Шамбинаго, Къ литературной исторіи старинъ о Вольгѣ. *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1905, № 11.

²⁾ Дашкевичъ, ук. с. стр. 21.

³⁾ См. Дашкевичъ, стр. 18. Ср. также Миллеръ, очерки II.

⁴⁾ Особенно подробно эту мысль развили А. Н. Веселовскій и В. О. Миллеръ.

съ русскими князьями. А эти черты, какъ разъ, и отличаютъ былины о Тугаринѣ отъ былинь о Ильѣ и Идолищѣ.

Между прочимъ въ послѣднихъ былинахъ, какъ мы выше указали, мотивъ близости Идолища къ княгинѣ не нашелъ себѣ широкаго развитія и въ тѣхъ вариантахъ, гдѣ онъ вообще есть (что рѣдко), а въ былинахъ объ Алешѣ и Тугаринѣ онъ почти всегда есть и существенно развитъ. Самый бой Тугарина-Тугоркана, какъ Половецкаго хана, имѣющаго при себѣ коня, котораго у Идолища нѣтъ ¹⁾, отличается отъ боя Ильи съ Идолищемъ. Въ той былинѣ нѣтъ ни бумажныхъ крыльевъ, нѣтъ ни близкой къ разсказу Александріи упомянутой выше хитрости богатыря.

Отсюда надо думать—въ былинахъ объ Алешѣ и Тугаринѣ—выдѣляется вторая часть, историческая пѣсня о боѣ съ Половецкимъ ханомъ—Тугорканомъ (к. XI в.), приурочившаяся потомъ къ личности ростовскаго богатыря XIII вѣка Александра Поповича. Что это приуроченіе произошло уже давно, говорятъ цитировавшіяся нами лѣтописи (Никоновская, т. I, стр. 110), по которымъ Александръ Поповичъ отнесенъ къ XI вѣку и сдѣланъ врагомъ Половцевъ ²⁾.

3. Наконецъ, остается третья часть, которую назовемъ „*Алеши и Идолище*“. Этотъ послѣдній лишь потомъ, подъ вліяніемъ циклизаціи, спайки пѣсенъ слился съ личностью Тугоркана-Тугарина. Въ эту часть современныхъ намъ былинь объ Алешѣ и Тугаринѣ цѣликомъ укладывается схема былины „Илья и Идолище“.—Встрѣча Алеши съ каликой.—Переодѣваніе.—Приходъ въ Кіевъ. Тугаринъ (Идолище) и его виѣшность.—Обжорство.—Сравненіе его съ короной обжорщій.—Бросаніе ножа въ Алешу.—Гибель отъ Алеши. Вотъ эту-то часть только и можно считать прототипомъ пѣсни объ Ильѣ и Идолищѣ. Что это такъ дѣйствительно и было, за это говорить указанное сходство, почти тожество именно въ *этихъ чертахъ* разбираемыхъ былинь. За первичность приуроченія борьбы съ Идолищемъ къ имени Алеши, а не Ильи съ необычайной ясностью говорятъ тѣ упоминанія въ былинахъ объ Ильѣ и Идолищѣ о поповской коровѣ, и даже—ростовскаго попа Левонтія, какія мы привели выше. На нашъ взглядъ это же можетъ подтверждать употребленіе въ нѣкоторыхъ пересказахъ на ряду съ Ильей въ былинахъ о Идолищѣ также имени Алеши Поповича.

¹⁾ Кромѣ отдѣльнаго, подъ вліяніемъ былинь о Тугаринѣ, случая.

²⁾ См. ук. труды Дашкевича, Миллера, Халанскаго.

Наконецъ мы можемъ привести одну запись былины объ Алешѣ, которая не была еще известна В. О. Миллеру, именно былинку, записанную нами въ Новгородской губерніи. Въ ней говорится, что Алеша Поповичъ (а не Илья) сталкивается съ Идолицемъ, который „по пуду за разъ ѣлъ“. Имени Тугарина въ этой записи совсѣмъ не упоминается ¹⁾.

Какъ будто еще однимъ лишнимъ подтвержденіемъ мысли, что нѣкоторыя былины о Ильѣ возникли изъ былинъ, сначала приуроченныхъ къ имени Алеши Поповича, можетъ говорить имя Торопа, этого засвидѣтельствованнаго лѣтописью слуги Александра Поповича, но въ рукописной (XVIII в.) „Гисторіи о славномъ и о храбромъ и силномъ богатыре Ильѣ Муромцѣ“ сдѣланнаго вѣрнымъ слугой Ильи Муромца (см. печатаемую мною работу въ Древностяхъ. Трудахъ Славянской Комиссіи Имп. Моск. Археол. Общ. т. IV, в. 2. „Сказанія и гисторіи о богатыряхъ. Шесть неизданныхъ рукописныхъ текстовъ“).

Изъ сказаннаго ясно, что былина объ Ильѣ и Идолицѣ сложилась на основаніи былины „Алеша и Идолице“, еще до соединенія съ послѣдней другихъ пѣсенъ объ Алешѣ, въ частности пѣсни о Тугорканѣ-Тугаринѣ.

Почему имя Ильи вытѣснило имя Алеши, — на этомъ вопросѣ, такъ сильно смущавшемъ академика А. Н. Веселовскаго, мы останавливаться не будемъ, въ виду того, что покойный В. О. Миллеръ въ своемъ очеркѣ „Илья Муромецъ и Алеша Поповичъ“ далъ всеисчерпывающій отвѣтъ и блестяще выяснилъ причины пониженія популярности въ народномъ сознаніи Алеши Поповича, на ряду съ все возростающимъ значеніемъ стараго казака, главнаго русскаго богатыря Ильи Муромца.

Для нашего изслѣдованія изъ предыдущихъ разсужденій важенъ выводъ: *борьба съ Идолицемъ поганымъ первоначально была приурочена къ Алешѣ Поповичу, или что то же — славному ростовскому богатырю XIII вѣка — Александру Поповичу.*

IV.

Этотъ выводъ получаетъ на нашъ взглядъ сильное подтвержденіе въ сопоставленіи былинъ о Идолицѣ съ однимъ книжнымъ произведеніемъ ростовской областной литературы. Мы разумѣемъ *житіе*

¹⁾ Б. и Ю. Соколовы, Сказки и пѣсни Бѣлозерскаго края. М. 1915. Стр. 301. Ср. также Гильфердингъ, № 99, гдѣ Тугаринъ названъ Задолице.

св. Авраамія Ростовскаго. Памятникъ этотъ до сихъ поръ не нашелъ себѣ, несмотря на солидную научную литературу о немъ, вполне удовлетворительнаго объясненія. Житіе дошло до насъ въ трехъ редакціяхъ, изъ которыхъ двѣ послѣднія (изъ нихъ 3-я восходитъ ко 2-ой) представляютъ собою развитіе первой псевдо-историческими подробностями, явными смѣшеніями и риторическими разсужденіями.

Житіе по первой редакціи издано въ Памятникахъ Старинной Русской литературы (въ I т., стр. 221) по рукописи XVII в. Рум. Музея № 433. Тамъ же въ видѣ варианта къ первой редакціи приведена вторая редакція (по рукописи Рум. Музея № 156), явно, какъ указалъ В. О. Ключевскій, смѣшавшая Авраамія Ростовскаго съ Аврааміемъ Чухломскимъ. Одинъ лишь академикъ Голубинскій (Исторія русской церкви I, ч. II, стр. 763 и слѣд.) считаетъ эту редакцію первичной, но не убѣдительно. Третья редакція, составленная въ концѣ XVII — началѣ XVIII вѣка, издана проф. М. И. Соколовымъ въ Ярославскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ (Часть неофициальная 1890. № 14). Вопросъ о времени житія окончательно не уясненъ — безусловнымъ можно считать лишь, что оно появилось къ концу XV вѣка, такъ какъ съ этого времени уже есть списки житія, одинаково, какъ и службы святому ¹⁾.

Ключевскій считаетъ временемъ его сложенія XV вѣкъ ²⁾, а А. П. Кадлубовскій — конецъ XV вѣка ³⁾. Еще менѣе выясненнымъ, и до сихъ поръ спорнымъ, является другой вопросъ: о времени жизни самого Авраамія. По этому вопросу мнѣнія ученыхъ весьма различны. М. Макарій относитъ время его жизни къ первымъ десятилѣтіямъ христіанства въ Россіи ⁴⁾; В. О. Ключевскій, правда съ большими оговорками, относитъ дѣятельность Авраамія на промежутокъ между 1073 и 1077 годами ⁵⁾, академикъ Иконниковъ — къ эпохѣ до XIV вѣка ⁶⁾; А. П. Кадлубовскій и акад. Е. Е. Голубинскій, правда, по различнымъ соображеніямъ, къ XIV вѣку ⁷⁾. Вопросъ о времени

¹⁾ В. О. Ключевскій, Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ. М. 1871. Стр. 26, примѣчаніе.

²⁾ См. Ключевскій, *ibid.*, стр. 35.

³⁾ А. П. Кадлубовскій, Очерки по исторіи древне-русской литературы житій святыхъ. Варшава 1902, стр. 7.

⁴⁾ Макарій, Исторія Русской Церкви. I, 157.

⁵⁾ Ключевскій, стр. 37.

⁶⁾ Исторія русской исторіографіи, т. II, в. I, стр. 865.

⁷⁾ А. П. Кадлубовскій, стр. 9—10; Е. Е. Голубинскій, указанное сочиненіе стр. 768 и слѣд.

жизни Авраамія волновала научную мысль не только современных ученых, — въ древнее время онъ встрѣчалъ даже болѣе горячее и страстное къ себѣ отношеніе. Въ 1649 г. архимандритъ Богоявленскаго монастыря Ермогенъ не захотѣлъ принять только что составленное житіе въ 3-й редакціи, относящей Авраамія къ эпохѣ Владиміра Святого. „И глагола: «яко не повелѣно сего житія въ церковь приимати, чудотворецъ бо бѣ во дни Владиміра Мономаха». Авторъ житія привелъ доводы въ свою пользу. „Слышавъ же сіе, Ермогенъ быстро нача зрѣти сѣмо и овамо и лицу его перемѣнишуся“... Въ результатѣ, за упорство въ своемъ ученѣмъ мнѣніи, онъ лишился разсудка, убѣжалъ въ лѣсныхъ дебри, гдѣ вторилъ стуку дровосѣка словами: „туть, туть“¹⁾.

Такое необычайное противорѣчіе древнихъ и новыхъ изслѣдователей интересующаго насъ житія о времени жизни св. Авраамія объясняется прежде всего страшной противорѣчивостью его самого, не только въ двухъ позднихъ редакціяхъ, но и въ первой. Ростовъ въ первой части житія рисуется еще совершенно языческимъ, что относитъ Авраамія къ самой начальной эпохѣ христіанства на Руси; нѣкоторые списки 1-й же редакціи такъ и понимаютъ это, вставляя имена князя Владиміра Святого и его сына Бориса и первыхъ ростовскихъ епископовъ Θεодора и Иларіона. При этомъ, въ этой же первой части говорится о князьяхъ Ростовскихъ, ставшихъ имѣть большую вѣру къ Авраамію. Цѣлая семья ростовскихъ князей могла существовать лишь въ позднее время, отнюдь, конечно, не во время Владиміра Святого.

Во второй части житія Авраамій ѣдетъ на судъ въ стольный городъ Владиміръ къ великому князю Владиміру, а городъ Ростовъ надѣленъ уже многими монастырями (что могло быть только къ концу XIII вѣка. Ср. Ключевскій, стр. 31).

Таковы явные анахронизмы въ самомъ житіи, — отсюда понятна та противорѣчивость сужденія у древнихъ редакторовъ житія и у современныхъ ученыхъ. Если самъ герой житія Авраамій лицо загадочное, не оставившее о себѣ, помимо показаній житія, никакихъ другихъ историческихъ свѣдѣній²⁾, то у ученыхъ нѣтъ твердыхъ данныхъ видѣть въ житіи отраженія какихъ либо ясныхъ историческихъ фактовъ.

¹⁾ М. И. Соколовъ, О редакціяхъ житія св. Авраамія Ростовскаго. Труды VIII Археологическаго съѣзда въ Москвѣ. М. 1895 г., стр. 300—321.

²⁾ См. объ этомъ у А. П. Кадлубовскаго, стр. 4—5.

Такъ эпизодъ сокрушенія идола Велеса до сихъ поръ долженъ считаться исторически мало разъясненнымъ.

Но все же вслѣдъ за Ключевскимъ мы думаемъ видѣть, правда, можетъ быть, смутный и перепутавшійся отголосокъ начальной эпохи борьбы христіанства съ язычествомъ¹⁾.

Житіе Авраамія плохой историческій источникъ. Зато всѣ изслѣдователи подчеркнули въ немъ необычайно богатый элементъ легендарный. Ключевскій рѣшительно указалъ, что источникомъ житія было *устное преданіе, мѣстная народная легенда*, а все житіе состоитъ изъ двухъ легендарныхъ мотивовъ. Первый мотивъ, насъ сейчасъ интересующій, говоритъ о сокрушеніи Аврааміемъ идола, второй передаетъ легенду о борьбѣ Авраамія съ бѣсомъ, куда, между прочимъ, входитъ извѣстный мотивъ о закрещиваніи бѣса въ сосудѣ. Для нашихъ сближеній житія съ былинной это предположеніе о народныхъ устныхъ источникахъ житія весьма цѣнно, оно напередъ даетъ почву для этихъ сближеній. Для нихъ мы будемъ пользоваться только первымъ изъ указанныхъ эпизодовъ житія — сокрушеніемъ идола.

Прежде чѣмъ перейти къ его передачѣ, я долженъ сказать нѣсколько словъ о предыдущихъ изслѣдованіяхъ былины о Идолищѣ. Предыдущіе изслѣдователи въ анализѣ и комментаріи этой былины центръ тяжести переносили на уясненіе вопроса о Царьградѣ и о Идолищѣ или Тугаринѣ, какъ называли насильника, но слишкомъ мало дали разъясненій тѣмъ подробностямъ содержанія, которыя по ихъ же заключеніямъ являются органичными и типичными для разбираемой былины: такова встрѣча богатыря съ каликой, идущимъ изъ Царьграда, обмѣнъ крутой калачей и уничтоженіе Идола-Идолица, клюкой или шапкой этого калики. Также слишкомъ малообъясненнымъ является до сихъ поръ образъ опвалы и обжоры Идолица поганого, а между тѣмъ всѣ эти черты и составляютъ главное содержаніе былины.

Намъ кажется, предлагаемый рассказъ изъ житія Авраамія Ростовскаго способствуетъ ихъ объясненію. Послѣ небольшого типично-житійнаго вступленія, кстати сказать, не совсѣмъ складно приклееннаго, житіе прямо вводитъ читателя *in medias res*.

„Видѣвъ же преподобный прелесть идольскую сушу, (въ Ростовѣ) не убо бѣ еще пріяша святое крещеніе, но чудесный конецъ покло-

¹⁾ Голубинскій и Кадлубовскій скептически смотрятъ на это.

няшеся *идолу* камену; омрачени бо суть сердца ихъ, *бѣсу злу живущу, яко близъ его никому же смѣяти ходити путемъ тьмъ, и мечты творяще*, мечеть бо христіанскы творяше страшилища злымъ омраченіемъ. Преподобный же Авраамій помолися Богу, глаголя: Господи Боже вышній! призри съ высоты своя на раба твоего и даждь ми силу и благодать Святаго твоего Духа *разорити сего многокозненнаго идола. И не возможе.*

Не дадаяше бо ни близъ себе окалянный приити злымъ влѣпствомъ своимъ. И недоумѣяшеся о семъ и *бысть скорбя*, сѣдаяше, и *видѣ старца к себѣ грядуща, благовѣйна образомъ суца; преподобный же срѣте его*; и оба поклонистася межу собою, и взяста другъ отъ друга благословеніе, и сѣдоста.

Начать же блаженный Аврамій к старцу глаголати: „*Откуда, человекъ, грядеши, и коя страны еси, святче Божій?*“ И глагола ему старецъ: „*Азъ есмь, отче, Царяграда родомъ, пришлецъ есмь на земли вашей странний*, рци же ми, отче, что ради скорбя сѣдиши близъ страстнаго сего идола Велеса?“ Глагола блаженный Аврамій к старцу: „тщуся и молюся Господу Богу разорити многострастнаго сего идола Велеса, и невозможно ми: презрѣ Богъ моленіе мое; и се скорбя сѣдохъ!“

Глаголаше же старецъ къ Аврамію: „Аще хочещи, отче, желаніе мое (свое) получитьи; *иди Цариграду* и пытай въ градъ Иоаннова дому Богослова, и вниди въ домъ его и помолися образу его, и не изыдеши изъ него тощъ, и *желаемое получиши*“.

Печалуя же блаженный Авраамій о долготѣ путнѣй; и рече старецъ: „Господь Богъ прекратитъ ти малымъ временемъ“.

Блаженный же Авраамій наполнился Духа Святаго, въземъ благословеніе у старца, нача путемъ тещи, забывъ длѣготу пути, и *прииде Ишню рѣку, и срѣте человека страшна, благовѣйна образомъ, плъшива, възлыса, брадою круглою великою, и красна соуца зпло, и муца в рѣцѣ трость*. Паде под ногама его блаженный и поклонися ему. Глагола ему *страшный мужъ*: „Гдѣ, старче, грядеши?“ И рече Авраамій: „На взысканіе дому Ивана Богослова“. И глагола ему *страшный мужъ*: „*Возьми, старче, сію мою трость, и възвератися, и приступи къ идолу Велесу, избоди его тростію сею въ имя Иоанна Богослова, и будетъ ти в прахъ окалянный*“. И абіе невидимъ бысть.

И разумѣ блаженный *Иоанна Богослова*, и страхомъ и радостію одрѣжимъ, възвратися въспять, *прииде къ идолу безъ возбраненія, и избодѣ его тростію в имя Иоанна Богослова*. Абіе на томъ мѣстѣ,

идѣже срѣте Иоанна Богослова, постави блаженный церковь во имя Иоанна Богослова, иже суть и до сего дне, и въземъ благословеніе от епископа, и въдрузи церковь малу на томъ мѣстѣ, идеже бѣ прежде идолъ Велесъ, въ имя святое Богоявленіе Господа нашего Иисуса Христа“.

Сходство приведеннаго разсказа съ былинной о Идолищѣ наблюдается прежде всего въ схемѣ. Житіе начинается разсказъ о Идолѣ и его страшилищахъ и о напрасныхъ попыткахъ борьбы съ нимъ. Былины также, въ нѣкоторыхъ пересказахъ, начинаются съ описанія Идолища и тоже говорятъ о безсиліи съ нимъ бороться; въ другихъ пересказахъ это описаніе дается въ разсказѣ калики.

Затѣмъ и по житію и по былинѣ идетъ встрѣча съ каликой; въ житіи этотъ калика оказывается Иваномъ Богословомъ, а въ былинѣ старчищемъ Иванищемъ. Происходитъ взаимное привѣтствіе и разспросы. Странникъ и калика идутъ изъ Царьграда. Въ житіи Авраамій говоритъ о своемъ безсиліи свергнуть идола, въ былинѣ въ этомъ признается калика. Въ былинѣ богатырь, а въ житіи Авраамій отправляются въ Царьградъ, при этомъ въ житіи Авраамію снова приходится встрѣтить странника Ивана Богослова и получить отъ него его трость; въ былинѣ каличище Иванище передаетъ свою клюку дорожную обыкновенно вмѣстѣ со всей своей крутой уже при первой встрѣчѣ. Дальше былина, какъ извѣстно, даетъ картинное изображеніе виѣшности и обжорства Идолища; при чемъ въ сцену свиданія вставляется извѣстный эпизодъ о коровѣ ростовскаго попа соборнаго и бросаніе Идолищемъ ножа, и уже потомъ идетъ сокрушеніе Идолища клюкой каличей или шапкой земли греческой. Въ житіи Авраамій, получивъ трость, сразу идетъ въ Ростовъ и сокрушаетъ ею идола. Какъ видимъ, житіе и былина въ очень многомъ сходны между собою, конечно кое что переставляя и кое что опуская.

Остановимся внимательнѣе на отдѣльныхъ подробностяхъ обоихъ произведеній въ порядкѣ приведенной схемы.

1) Признаемъ прежде всего, въ Идолѣ-Идолищѣ поганомъ былины и *Идолъ* житія, одинъ и тотъ же образъ—языческаго идола-истукана. Во всякомъ случаѣ идолъ Велесъ житія—такой же активный врагъ христіанства, какимъ является Идолище поганое въ былинѣ. Близъ него никто не смѣетъ ходить, попытки бороться съ нимъ безсильны, онъ творитъ мечты и страшилища христіанамъ, совсѣмъ такъ, какъ Поганое Идолище въ былинѣ, къ которому Иванище не смѣлъ даже подойти и которое учиняло такія пакости христіанамъ: хотѣло изгнать

христіанскую вѣру и воспрещало просить милостыни „для всѣхъ боговъ“, кромѣ самогo поганаго Идолища. Какъ калика Иванище не могъ съ нимъ справиться, такъ „не возможе разорити сего многокозненнаго идола“ и Авраамій.

Мы оставимъ пока въ сторонѣ другія разсужденія о характерѣ Идола-Идолища, чтобы не удалиться сейчасъ отъ начатаго сличенія съ былиной.

2) *Каличище Иванище—Иванъ Богословъ*. Встрѣча Авраамія съ странникомъ, мы видѣли, повторена. Въ былинѣ всего одна встрѣча. Но подробности первой и второй встрѣчъ житія находятъ себѣ близкое соотвѣтствіе въ былинѣ. Прежде всего имя. Имя Иванище, мы видѣли, для былинъ о Идолищѣ типично. Въ житіи встрѣчнымъ каликой является Авраамію Иванъ Богословъ. Отожествленіе ихъ становится еще болѣе возможнымъ, благодаря ихъ указанію на *Царьградъ*, какъ на мѣсто, откуда они пришли. „Азь есмь Царяграда родомъ, пришлецъ есмь на земли вашей страннѣй“,—такъ говоритъ встрѣчный старецъ Авраамію. „Развѣ не узналъ ты меня калики переходя... А я теперь иду отъ Царяграда“, говоритъ Иванище богатырю.

Любопытно описаніе встрѣчи по житію и былинѣ. „Авраамій видѣ старца къ себѣ грядуща благовѣйна образомъ суца; преподобный срѣте его; и оба поклонистася между собою и взяста другъ отъ друга благословеніе и сѣдоста. Начать блаженный по старцу глаголати: откуда, человекъ, и какія страны еси, святче Божій?“ Такъ описывается въ житіи. Припомнимъ въ былинѣ: „Илья наѣхалъ калику переходяю. „А здравствуй ты, калика переходя, ты откуда идешь, да откуда путь держишь?“

Мы не будемъ вдаваться здѣсь въ объясненія, почему Иванъ Богословъ могъ предстать въ той роли, какую ему даетъ житіе Авраамія Ростовскаго. Этимъ вопросомъ подробно занимался проф. А. П. Кадлубовскій, указавшій на апокрифы и сказанія, по которымъ Іоаннъ Богословъ рисуется борцомъ съ бѣсами и язычниками¹⁾. Появленіе же *Царяграда*, въ житіи Авраамія, а слѣдовательно и въ его источникѣ, мѣстномъ преданіи, какъ указалъ В. О. Ключевскій, отражаетъ мѣстную ростовскую тенденцію, въ зависимости отъ которой другой завѣдомо русскій святой, постриженникъ Печерскаго монастыря Леонтій, по ростовскому житію происходитъ изъ Царьграда. Какъ тотъ, такъ и другой фактъ нашъ почтенный историкъ ставитъ въ связь съ

¹⁾ А. П. Кадлубовскій, Очерки, стр. 30—32.

стремленіями ростовскаго князя (XII в.) Андрея Боголюбскаго сдѣлать ростовскую кафедру независимой отъ кievской, и для этого прибѣгнуть къ непосредственнымъ сношеніямъ Ростова съ Царьградомъ¹⁾. Такъ, или иначе, но наличность Царьграда въ произведеніи весьма близкомъ къ былинамъ даетъ нѣсколько иное освѣщеніе появленію Царьграда и въ самихъ былинахъ.

Идея подчеркнуть паденіе обасурманившагося, помутившагося въ христіанствѣ прежняго оплота православія, пасующаго передъ единственнымъ чистымъ хранителемъ православія—св. Русью, уже позднѣе налегла на былины о Идолищѣ. Особенно ярко выразилась она въ позднемъ книжномъ произведеніи XV—XVI в.—Сказаніи о семи богатыряхъ, какъ ходили въ Царьградъ. Первоначально, можно думать, былина была ближе къ версiи житія—калика Иванище шелъ изъ Царьграда, а Идолъ-Идолище былъ въ русскомъ городѣ, потомъ лишь замѣнившимся или эпическимъ Кіевомъ, или же Царьградомъ, такъ какъ туда позднѣйшіе пересказы перенесли и само дѣйствіе. Современные пересказы былинъ проявляютъ въ этомъ отношеніи путаницу.

Продолжимъ наши сличенія каличища Иванища и старца-странника Ивана Богослова. Житіе, при встрѣчѣ Авраамія съ царьградскимъ странникомъ, оказавшимся потомъ Иваномъ Богословомъ, описываетъ такъ его наружность: Авраамій „срѣте человекъ страшна, благовѣйна образомъ, плѣшива, възлыса, бородою круглою великою и красна суца зѣло, имуща въ руцѣ трость“. Почти въ такихъ же чертахъ рисуется каличище Иванище въ былинѣ:—„старой, волосомъ бѣль, бородою сѣдаты“. Припомнимъ вообще образъ былиннаго сѣдатаго и плѣшатаго калики. Житіе называетъ калику кромѣ того „страшнымъ“ и вмѣстѣ съ тѣмъ „краснымъ“ зѣло. Таковъ же, мы видѣли по былинѣ, „сильнѣе, могучѣе“ и вмѣстѣ „славное и великое“ старчище Иванище (см. выше).

3) Какъ Иванъ Богословъ, такъ и Иванище имѣютъ въ рукахъ *трость, клюку* калицкую; ее-то они передаютъ борцу съ Идоломъ, она и сокрушаетъ послѣдняго. Житіе рельефнѣе выдѣлило этотъ мотивъ—по ней понятнѣе, почему такъ гибеленъ былъ ударъ тростью по идолу—въ ней сила святости.

Пѣсня о Идолищѣ дала иное болѣе близкое къ духу богатырскаго эпоса истолкованіе—клюка калики сокрушительна своей необычайной сорокапудовой тяжестью. Конечно первенство, намъ думается, за мо-

²⁾ Ключевскій, стр. 18.

тивировкой житія. Авраамій, говоритъ житіе, „прииде къ идолу безъ возбраненія и избоде его тростию во имя Іоанна Богослова“. Богатырь также безъ „возбраненія“ приходитъ къ Идолу, но для этого долженъ былъ, однако, принять образъ калики. Мотивъ переодѣванія въ калицкое платье былъ, на нашъ взглядъ, лишь развитіемъ, опозитизированіемъ первоначальнаго мотива — передачи встрѣчнымъ каликой кюки, трости. Изъ обзора вариантовъ мы видѣли, что эта черта — передача и полученіе кюки очень часто главенствуетъ во всей сценѣ переодѣванія, а эта кюка главное орудіе въ дальнѣйшей борьбѣ съ Идолицемъ. Припомнимъ изъ приведеннаго выше, какъ Илья „поднялъ де ка тутъ кюку чугунную, а стукнулъ Идолица ею въ голову“, и сопоставимъ съ приведеннымъ мѣстомъ житія. Кюку по другимъ пересказамъ замѣняетъ знаменитая „шляпа земли греческой“, какъ показали изслѣдователи, — поэтический символъ христіанства въ его борьбѣ съ язычествомъ¹⁾. Въ эту былинѣ она могла попасть изъ былинъ о Добрынѣ и Тугаринѣ Змѣевичѣ, которую В. О. Миллеръ толковалъ какъ пѣсню изъ эпохи водворенія на Руси христіанства.

Приведенныя сопоставленія, на нашъ взглядъ, даютъ возможность считать и былинѣ, и житіе восходящими къ одному и тому же легендарному источнику.

Дополнительныя уясненія по этому вопросу мы можемъ получить изъ разсмотрѣнія приведеннаго выше генезиса былинъ о Идолицѣ и нѣкоторыхъ связанныхъ съ этимъ вопросовъ.

V.

Былины о Идолицѣ, вслѣдъ за В. О. Миллеромъ, мы признали приуроченными въ русскомъ эпосѣ первоначально не къ Ильѣ, а Алешѣ Поповичу, или, что то же, знаменитому ростовскому богатырю XIII вѣка Александру Поповичу. Это приуроченіе къ нему сказанія о борьбѣ съ Идоломъ-Идолицемъ поганымъ, мы думаемъ, произошло еще на мѣстной ростовской почвѣ, прежде чѣмъ ему уйти изъ ростовской области и слиться съ обширной рѣкой русской эпической поэзіи.

Житіе же, составленное около XV вѣка, приписываетъ сокрушеніе ростовскаго идола — Авраамію, лицу, какъ видѣли, абсолютно въ историческихъ источникахъ о себѣ слѣдовъ не оставившему, кромѣ названнаго житія. У насъ нѣтъ никакихъ серьезныхъ данныхъ счи-

¹⁾ В. О. Миллеръ, Эскурсы. Добрыня змѣборецъ.

тать это приуроченіе очень раннимъ и исконнымъ. Возможно, что та мѣстная устная легенда, которая предшествовала житію, этой связи съ Аврааміемъ не имѣла.

Даже если Авраамій былъ искони въ этой легендѣ, то для русскаго эпоса присвоеніе какимъ-нибудь богатыремъ чужихъ подвиговъ и поступковъ — фактъ въ высшей степени обычный.

Любой нашъ богатырь концентрируетъ вокругъ себя, какъ показали наши изслѣдователи, самый разнообразный кругъ пѣсенъ о самыхъ разновременныхъ и различныхъ по существу фактахъ и герояхъ. Съ теченіемъ времени имя такого богатыря вытѣсняетъ всѣ другія.

Такъ могло быть съ главнымъ ростовскимъ богатыремъ съ Александромъ — Алешей Поповичемъ, тѣмъ болѣе, что для этого имѣлись благоприятныя условія на мѣстной же ростовской почвѣ. И Авраамій и Александръ Поповичъ герои ростовскіе, кромѣ того легендарныя воспоминанія о нихъ связаны съ однимъ и тѣмъ же мѣстомъ, даже въ болѣе узкомъ смыслѣ слова.

Среди другихъ лѣтописныхъ извѣстій о Александрѣ Поповичѣ, мы имѣемъ разсказъ Тверской лѣтописи, что слѣды побитыхъ Александромъ враговъ еще до насъ сохраняются въ ростовской памяти: „Александръ же, выходя, многи люди великаго князя Юрія избиваше, ихже костей накладыны могилы велики и донынѣ на *рѣкѣ Ишнѣ*“. Въ житіи же Авраамій встрѣчаетъ Ивана Богослова, тоже на Ишнѣ-рѣкѣ, гдѣ въ память этого Аврааміемъ основана и до сихъ поръ существуетъ (конечно вновь выстроенная) церковь. А мы знаемъ, какую роль въ поддержаніи устной легенды играетъ какой-нибудь вещественный памятникъ. Любопытно, что въ былинахъ о Идолицѣ въ нѣкоторыхъ пересказахъ богатырь встрѣчаетъ калику на рѣкѣ, которая потомъ получила названіе или Сафаты рѣки, или (какъ въ Сказаніи о семи богатыряхъ) — Смугры рѣки, что напоминаетъ историческую рѣку — Угру. Но въ одномъ пересказѣ, можетъ быть (я, конечно, не настаиваю), можно видѣть еще слабый отголосокъ первоначальнаго названія нѣсколько созвучный Ишнѣ рѣкѣ. Въ вариантахъ Григорьева № 112 калика встрѣчаетъ богатыря на какой-то „*меньшой рѣкѣ*“. Любопытно, въ житіи Авраамій встрѣчаетъ странника послѣ того какъ „*преиде Ишню рѣку*“, такъ и Илья Муромецъ встрѣчаетъ калику, уже *перехавъ* рѣку (Григорьевъ 112).

Легенда о сокрушеніи идола могла прицѣпиться къ имени Александра Поповича еще потому, что этому до нѣкоторой степени могло

содѣйствовать (согласно его прозванію—Поповичъ) его духовное происхожденіе.

Во всякомъ случаѣ, въ высшей степени любопытно, что былины о Идолицѣ упоминають о ростовскомъ попѣ соборномъ Левонтіи, а самого Александра дѣлають его сыномъ.

Подъ Левонтіемъ, какъ вполне справедливо было уже указано, нужно разумѣть популярнаго ростовскаго святого Леонтія, мощи котораго еще со времени Андрея Боголюбскаго почивають въ ростовскомъ соборѣ. Но для насъ также знаменателенъ самый фактъ внесенія его имени въ пѣсню—сказаніе о борьбѣ съ поганымъ Идоломъ.

Св. Леонтій, дѣятельность котораго относится къ 3-ей четверти XI вѣка, былъ однимъ изъ начальныхъ просвѣтителей ростовскаго края, ревностнымъ борцомъ съ язычествомъ, много потерпѣвшимъ отъ язычниковъ и, между прочимъ, по другимъ свѣдѣніямъ (Кіевского патерика), отъ нихъ даже погибшимъ. Житіе его основано, подобно житію Авраамія, на смутномъ преданіи¹⁾. Нѣкоторыя редакціи пополнялись разными вставками изъ догадокъ и мѣстныхъ легендъ.

Такъ, между прочимъ, въ третью редакцію (XV вѣка) вставленъ весьма интересный рассказъ, какъ Леонтій, изгнанный изъ Ростова, поселился близъ потока Брутовщица и привлекалъ языческихъ дѣтей, а за ними и взрослыхъ, вареной кутьей. Въ былинѣ попъ Левонтій—хозяинъ необычайно обжорливой коровы.—Почему именно его имя связано съ такимъ эпизодомъ, сказать трудно—можетъ быть въ народномъ мѣстномъ преданіи еще долго жила память о Леонтіи кормителѣ народа, потомъ обросшая другими привносными чертами, въ концѣ концовъ измѣнившими въ концѣ само преданіе. Любопытно, что тому же Леонтію приписывалась какая-то воцаница съ виномъ, долго сохранявшаяся въ Ростовѣ²⁾.

Таковы наши заключенія: былина и житіе отзвукъ одного и того же мѣстнаго ростовскаго религіознаго сказанія о борьбѣ съ Идоломъ. Не всю былинку покрываетъ содержаніе житія—въ былинѣ остались нѣкоторые мотивы и подробности, не развитыя житіемъ или имъ опущенныя. Таково, на примѣръ, само описаніе внѣшности Идолица и его необычайнаго обжорства. Но въ этомъ мы видимъ новыя черты, подтверждающія наше сближеніе Идолица поганаго съ языческимъ идоломъ.

¹⁾ Ключевскій, ук. соч., стр. 13.

²⁾ Ключевскій, ук. соч., стр. 20.

Обжорство Идолица, пожираніе цѣлаго быка, коровы, птицъ и огромнаго количества питья намъ кажутся поэтическимъ отголоскомъ древнихъ языческихъ жертвоприношеній.

Сравнимъ съ этимъ, на примѣръ, весьма характерныя слова, обращенныя однимъ изъ новгородцевъ къ свергнутому идолу: „ты до сыта еси ѣлъ и пилъ, а нынѣ поплочи прочь“¹⁾. Вѣдь это совсѣмъ близко къ укору богатыремъ Идолица обжорища и къ слѣдующей за симъ конечной расправѣ съ Идолицемъ.

Такой взглядъ на Идолице, какъ на языческаго идола, высказанъ представителями міеологической теоріи, но потомъ слишкомъ обезцѣненъ и оставленъ безъ вниманія.

Не нужно ли вернуть его къ новой жизни? Въ неуклюжей, даже современнымъ сказителямъ напоминающей чучело и болвана фигурѣ Идолица поганаго на нашъ взглядъ скрывается размалеванное, преувеличенное, можетъ быть сознательно обезображенное, описаніе древне-русскаго бога-идола.

Но для болѣе устойчиваго разрѣшенія этого вопроса нужны еще другія разысканія въ исторіи русскаго язычества.

Борисъ Соколовъ.

¹⁾ Полн. Собр. Р. Лѣт. т. IV, ч. I. Петр. 1915 г. Стр. 91. Невольно приходитъ на мысль сопоставить приведенный выше вариантъ былины о Идолицѣ (Тихонравовъ и Миллеръ № 13), гдѣ описывается, какъ тушу свергнутаго богатыремъ Идолица понесло по Волхову, съ лѣтописнымъ рассказомъ, откуда цитирую только что приведенную фразу, о сверженіи новгородскаго Перуна, также сброшеннаго въ Волховъ и по нему долго плывшаго.